

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перед вами — продолжение книги «Как выжить в современной тюрьме. Часть I». По сути это дневник, в котором прослеживается жизнь человека в пенитенциарной системе на протяжении десяти лет. Книга охватывает не только тюремный быт, но и существование в колонии и колонии-поселении. Здесь собрано множество личных впечатлений и реальных историй. Десять лет, все время пребывания в системе, я вел записи (набралось больше двадцати тетрадей), и из этого объема выбрал наиболее яркие и характерные. Образы, характеры, бытовые зарисовки и человеческая психология дают читателю возможность понять, как работает и существует человек в этих непростых условиях. Я постарался максимально честно передать свои впечатления и ощущения той жизни. Наверное, в книге много спорного, особенно в том, что касается переживаний и внутренних ощущений. Но в том, что относится к быту и человеческим типажам, все правда.

В книге много ненормативной лексики. Я понимаю, что это плохо, но описать эту сторону жизни, не прибегая именно к таким выражениям, часто просто невозможно. Мат используется не для эпатажа, а именно для понимания происшедшего. Кроме того, в конце текста приведен еще один взгляд очевидца на эту малоизвестную сторону нашей жизни: я сохранил в нем авторскую пунктуацию и орфографию.

Эта книга не для любителей детективов и криминального жанра. Такой читатель не найдет в ней ничего интересного для себя. Детективная и криминальная литература — это, как правило, плод вымысла и не имеет к реальной жизни никакого отношения. Книга — для тех, кого интересует творчество Гиляровского, Дорошевича, Герцена. Я ставил перед собой задачу не развлечь читателя, а заставить его задуматься.

Это действительно по-настоящему выстраданная книга.

«Как выжить в современной тюрьме», безусловно, будет интересна тем, кто непосредственно сталкивается или уже столкнулся с российской пенитенциарной системой. Работникам этой системы она будет полезна в особенности.

Они кричали так громко и истерично, что, казалось, криком и истерикой подавляли свой страх передо мной. Меня арестовывало двенадцать человек.

Событие это походило на все что угодно, только не на реальность. Весь мир: город, улица, автобусы, машины, деревья, тротуар, темное небо — все это было словно затянута полиэтиленовой пленкой, не очень прозрачной и не совсем чистой.

А окружающие и вовсе не обратили на это никакого внимания. Ну набежали невесть откуда взявшиеся люди, поорали, потыкали пистолетами, усадили какого-то человека в машину и увезли. И все. Словно ничего и не было. Как будто так и должно быть. Еще один штришок жизни города. Уличный музыкант привлекает к себе больше внимания, чем подобное. Кто его знает, что там было, может, они в шутку друг в друга пистолетами тыкали? Умри я там, было бы точно то же самое.

Я все думал, чего в этой сцене не хватало. Потом понял: не хватало музыки, соответствующей обстановке. Ну, как в кино.

...Все эти старые, давно всем известные, но все же до сих пор эффективные штучки. Добрый следователь и злой следователь.

Я пил кофе, а потом страшно об этом пожалел. Кофе подействовал хуже пива. Страшно хотелось в туалет, и от этого было ужасно неловко. Вытащили человека из его жизни, как рыбу из реки. Он сидит на стуле, трепыхается, что-то из себя изображает, а на самом деле ему неудержимо хочется писать. И вовсе не от страха, а от кофе.

Дознаватель, судя по кожаному портфелю, указывавшему на его более высокую должность, чем у всех остальных, долго расспрашивал о достоинствах и недостатках американских автомобилей.

Удивительно, но камера в КПЗ имела не нары, а сцену. Туалет в подобных камерах даже не предполагается. Кто-то всю ночь «бурагозил» в обезьяннике. Похоже, взяли пьяного скандалиста.

Ровно ничего не чувствовал. Ни страха, ни холода, ни голода, ни жажды — ровно ничего. Только очень хотелось курить.

Петровка — место известное, снятое в сотнях фильмов, но мало кто знает, что в ее недрах есть тюрьма на пять этажей. Даже не тюрьма, а ИВС. Вот туда меня и привезли.

Когда по продолу вели арестованного, конвоир стучал ключами по тонкой металлической трубе, протянутой вдоль коридора на манер балетного станка. Сначала я не понимал, для чего, потом сообразил. Таким образом один конвоир давал понять другому, что кого-то ведут, — чтобы арестованные, не дай бог, не увидели друг друга.

С утра дверь открылась, и сержант злобно пробурчал:

— Ведро.

— Какое ведро?— искренне не понял я. — Мусорное, что ли?

У милиционера чуть ли не удар случился. Он покраснел, напрягся и злобно выплюнул:

— Сорное!

А снаружи Москва встречала Новый год. Взрывались петарды, слышались радостные возгласы, и наверняка где-то лилось шампанское. Жизнь продолжалась, но, увы, уже без меня.

На Петровке больше пяти дней в одной камере никого не держат. Переводят в другую. Вообще, в ИВС по закону запрещено держать задержанного больше десяти дней. Меня держали месяц. Шесть раз переводили из одной камеры в другую.

Сидеть в тюрьме всегда плохо и тоскливо. Сидеть в тюрьме в Новый год противнее и тоскливее втройне.

— Фамилия на С? — спрашивал милиционер в глазок.

Вызывали не по фамилии, а называли первую букву твоей фамилии. Ты должен был сам ее произнести, и если все совпадало, с тобой уже совершали какие-то действия. Вели к следователю или давали бумагу на подпись.

Через адвоката мне передали книгу «Китайская алхимия». Следователь, увидев название, с плохо скрываемым снисхождением поинтересовался:

— Что, помогает?

Химки-Ховринская ИВС по сравнению с Петровкой — это ночлежка в сравнении с пятизвездочным отелем. Помещение без туалета, на стенах — шуба, похожая на застывшие потеки говна и, что интересно, такого же цвета. Пять деревянных шконок. Ни белья, ни матрасов, ни подушек — это даже не было предусмотрено. Свет до того тусклый, что видны только очертания предметов. Малюсенькое окно с двойными

пластиковыми стеклами, пространство между которыми почти до половины оконного проема завалено всяким мусором: пустыми пачками из-под сигарет, бычками и прочей чепухой. Что делается за окном, разглядеть физически невозможно. Еду приносят из ближайшего кафе, вместо ложек — дикого вида колпачки.

Зима кидалась снегом и в лицо, и в душу.

Имелась одна хитрость: дознаватели принесли бумагу, что меня отпускают, и тут же прямо в ИВС предложили проехать к прокурору. Он-де хочет меня увидеть и задать пару вопросов. Я по глупости согласился. Потом у них долго не заводилась машина. Я мог бы запросто пересесть в другую, но не стал этого делать. Почему? Да просто не думал, что такое возможно именно со мной. Сейчас бы я поступил по-другому. Но это было тогда. Между этими двумя словами — «тогда» и «сейчас» — прошло слишком много времени и случилось много разных событий.

— А кто его арестовывать будет? Кто конкретно в двенадцать ночи подпишет постановление об аресте? — спросил адвокат следователя.

— Я и подпишу, — ответил следователь.

— Но это незаконно! — вскричал адвокат.

— А вы жалобу напишете.

— А если его опять отпустят?

— Не волнуйтесь, сколько потребуется, столько раз и будем арестовывать.

Само очко в туалете находилось на возвышении. Этакий постамент высотой в метр. В двери же красовалось окно размером в два журнала. Окно располагалось прямо напротив очка. Таким образом, милиционер в коридоре мог наблюдать за арестованным, прямо за процессом, происходившим на этом своеобразном унитазе. Кто это придумал? Кто спроектировал? Главное — зачем? Эх, поймать бы дизайнера и отметить хорошенечко.

В ИВС — свои правила приема передач, поэтому за время сидения у меня скопилось масса пластиковых пакетов с продуктами и вещами. Как я с таким невероятным грузом дотащился до Бутырки, уже и не знаю. Видимо, сработал закон: своя ноша не тянет.

Потолки высокие, коридоры широкие и длинные, в коридоре ремонт. Бутырка раскрыла передо мной свои грязные объятия.

Меня приняло темное, слабоосвещенное помещение. В нос ударил резкий запах разлагающейся дряни. Из темноты контурами проявлялись шевелящиеся человеческие особи. Слева у стены, заваленной непонятным хламом, по звуку струящейся воды обозначился туалет. На сам унитаз кто-то набросил невероятно старую куртку. Естество требовало своего. Других вариантов не было. На свободе у меня никогда не получалось справить малую нужду на глазах у другого человека. Я всегда избегал этого, или терпел, или же пристраивался так, чтобы меня не видели, да и особой необходимости в этом не было. Ну кто в московской квартире или даже в общественном туалете будет наблюдать? Тут же в дверях обозначился глаз охранника, а со всех сторон меня буравили взглядами с десятков человек. Мочевой пузырь разрывался. Если я это не сделаю сейчас, то меня просто вернут назад... Подумать страшно. Преодолев стыд и брезгливость, а заодно воспитание, я сделал усилие, и струя упала на куртку.

Неотвратимо и обреченно пришло утро. Что-что, а утро приходит всегда, как бы мы этого ни хотели.

В системе эту процедуру называют шмон, в официальных бумагах именуют личным досмотром, а смысл всегда один — обыск, обнаружение незаконных предметов и их изъятие. Казалось бы, что можно обнаружить у человека, которого продержали в двух ИВС, последний из которых — Петровка, где изымают все, что хоть как-то можно назвать незаконным. Я лишился шнурков, ремней, всего стеклянного, веревочного, ценного. Из ботинок изъяли супинаторы, упрямо именуемые в системе ступинаторами. Исчезли язычки от молний и даже металлические наплекки на джинсах. Мой багаж составляли только тряпки, предметы личной гигиены, продукты, сигареты и книги. Наивный, какой же я был наивный! Представляю, как бы улыбалась моему появлению тюрьма, если бы могла это делать. Пятеро шустрых дядек с радостными криками «Это нельзя! О, нельзя, нельзя. Это запрещено, а это категорически нельзя!» за пять минут наполовину облегчили мои сумки. Исчезло все мясное, рыбное и консервированное. Прилично опустошенный, я был влит в человеческую массу вновь прибывших.

Активный грузин на «сборке» обратился ко всем:
— Тяжело же вам будет в общей хате!

Как будто ему там будет ужасно легко и он очень переживает за печальную судьбу остальных.

...И свет, свет, свет. В тюрьме свет не гаснет ни на минуту. Только здесь становятся понятны слова из песни: «Таганка, все ночи, полные огня».

И везде, буквально везде плавали, висели, лежали сгустки чужого горя. Стены просто сочились им. Наверное, от этого краска на стенах быстро линяла и шелушилась, как, бывает, шелушится лицо у больного псориазом.

Бутырский централ, Бутырскую крепость, проектировал архитектор Казаков.

Бутырский централ — тюрьма старая, известная, большая. Кто только в ней не сидел, каких только историй о ней не рассказывают — как сидели, как бежали, как погибали. Но сколько она сама может рассказать, это точно никому не известно. Жаль, спросить ее некому. И про подземные ходы, по которым в старину зеков доставляли на каретах. И про Феликса Дзержинского во всех его ипостасях — и как сидел, и как бежал. И про охрану, и про печально знаменитого «черного продольного». И про... да много еще про что могла бы рассказать Бутырка в подробностях. Но она молчит. Молчит детище Казакова. Обычный человек никогда не задумывается, что рядом с ним, здесь, в обычной жизни существуют другие миры. Может так случиться, что именно тебя они не коснутся, проплывут, пройдут мимо. Но случается, ты сам оказываешься втянут в орбиту этого другого мира. И тогда твои старые казавшиеся незабываемыми представления о жизни, ее проявлениях и ценностях вдруг резко меняются. Именно в таком положении я и оказался.

Молоденький с грязными белесыми волосами и массивным золотым перстнем-печаткой на пальце кум вяло пытался меня вербовать. Я вяло прикидывался дураком. Прокатило.

На ужин рыба. Дико вываренная, с метким местным названием «Братская могила».

«Матросская тишина» до революции — богадельня для пожилых моряков. Строили ее без всякого плана, по нужде достраивали и при-

страивали, и получилось то, что получилось, — маленький городок для заключенных почти в центре Москвы.

А еще их всех, я имею в виду охранников, нужно очень, очень упрасивать. И тон при этом должен быть крайне жалостливый, просительный и нечеловечески убедительный.

— Ну пожалуйста, по-жа-луй-ста, старшой. Возьми деньги и сделай мне самую малость.

А он в ответ улыбается, как Мона Лиза, так же загадочно, с некоторой гадостностью и, как правило, отвечает:

— Не положено, — и при этом смотрит, сволочь, пристально и внимательно.

А ты ему:

— Ну пожалуйста, старшенький, будь человеком, помоги, выручи.

— Не положено... — И опять внимательный и загадочный взгляд.

А ты опять заводишь свою шарманку:

— Ну, выручи. Очень нужно! Прямо позарез. Пиздец как надо.

— Нихуя. Нельзя, запрещено.

А сам, гад, не уходит. Ждет. И тебе деваться некуда, а это значит — еще жалостливее, еще убедительнее:

— Ну, старшенький, будь любезен, пожалуйста!

Но вот в его глазах что-то дрогнуло, что-то там внутри сработало, щелкнуло, и он милостиво соглашается:

— Хуй с тобой, помогу тебе. В последний раз. Давай свои сраные лавз, но быстрее. А то тут... могу передумать.

Большинство сокамерников — бесцветные лица, пустые, как мыльные пузыри, оболочки человеческих тел. Как пришли, так и ушли. Большинство в силу их пустоты и запомнить вряд ли можно.

В тюрьме происходит массовое отупение. Камера — словно общий вагон остановившегося в темноте поезда, где каждому наплевать на судьбу случайных попутчиков.

Тюрьма — это гигантский стусок отрицательной, грязной энергии, разрушающей психику как заключенных, так и тюремщиков. Нельзя ставить вопрос, заболеет человек в тюрьме или нет. Это неправильно. Вопрос нужно ставить так: на каком месяце начнут барахлить печень, сердце, мозг?

Именно находясь за решеткой, Ганди впервые сформулировал основы своего учения, всколыхнувшего не только Индию, но и весь мир. Ничтожные мелочи ранят сильнее, чем целенаправленные серьезные удары судьбы.

Подобрать хорошего адвоката так же тяжело, как откопать останки динозавра в предгорьях Памира.

Большинство зеков верит только в то, что можно пощупать руками. Все остальное воспринимается не иначе как чушь. Им показывают выход, но они не хотят его видеть. Им предлагают помощь, но они упрямо отказываются от нее.

Это такой закон жизни: расслабился — получи.

Двойственность в литературе и кинематографе дает чувство объема. Если персонаж, совершая простые действия, еще делает что-то: думает, параллельно занят другим — это и придает ему объемность.

*Под Новый год пролился дождь,
Залив водою куртку,
Как будто бы небесный вождь
Решил сыграть дурную шутку.*

Предлагал работу в офисе, находил желающих, говорил, что контора только организована и сейчас идет создание офисной базы. В частности, необходимо закупить мониторы, компьютеры, телевизоры и другую оргтехнику. Человек на работу принят. Ему выдавались деньги, якобы аванс, и он приобретал в кредит на свой паспорт дорогую аппаратуру. Привозил в офис, после чего офис исчезал вместе с аппаратурой. Аванс составлял десять–двадцать процентов от реальной стоимости того, что закупал будущий работник. Вменяют десять случаев.

В течение трех–пяти лет составлял базу купивших квартиру и сделавших евроремонт. Выбирал, как правило, женщин. Переодевался в милицейскую форму, убивал выстрелом в голову, забирал все имевшиеся в доме деньги. Под контроль были взяты все возможные варианты. Отслеживались звонки из автоматов. А звонил он в основном с городских телефонов, делая несколько предварительно пустых звонков. Арестовали

как раз через телефон. Взяли с оружием, фальшивыми документами и в форме. Признался во всем. Боялся, что его закажут в тюрьме. Говорил об этом следователю. Повесился в камере. Официальная версия — самоубийство.

Многочисленная группа. Подделывали косметику. Во флакон наливали жидкость и парфюмерные отдушки. Прибыль составляла от трехсот процентов. Работали на закрытом оборонном предприятии. Заработали около трех миллионов долларов. Их взяли только через год. Брали на закупке образцов.

Группа из пяти человек. Создавали фальшивые турфирмы, брали деньги под изготовление паспорта, на получение визы и предоплату за туры. Набрал некоторую сумму, фирма исчезала.

Для желающих устроиться на нормальную хорошо оплачиваемую работу проводили тесты, затем под предлогом покрытий почтовых расходов с каждого брали небольшую сумму. По официальной версии, успели надуть порядка двух с половиной тысяч человек.

Группа хакеров занималась возвратом средств за товар, купленный через интернет. Покупки производили по краденым данным, но деньги переводили на другой счет. Стоимость покупки не превышала двадцати–тридцати долларов. За такие деньги особенно никто и не бодался. Вычислили очень просто. Бедные студенты тратили огромные деньги на очень дорогие вещи, предметы роскоши. Швейцарские часы и тому подобное. Сдали их охранники супермаркета, заподозрившие неладное после очередной покупки дорогостоящей безделушки.

Подставное ограбление. Профессиональные милиционеры сами организовывали три–четыре ограбления с помощью крота, внедренного в ими же созданную банду. Последнее ограбление по их же наводке фиксировалось на пленку. Всех арестовали. Крота не выпустили, на него также вешают ограбление.

Сопливым червем ползет время, оставляет за собой засыхающие следы прошлого. Раньше меня очень волновало, как я расту, в чем совершенствуюсь, в какой-то момент мой рост даже стал пугать. Тогда возникла мысль: неужели есть еще кто-то, кто так же активно совершенствуется, как я? Затем наступил провал. На годы затянувшаяся пауза. И тогда

показалось: наступил момент деградации. Сейчас одно, но конкретное желание: чтобы это все как можно быстрее закончилось. А что дальше? Черт с ним! Буду просто жить. Но это если повезет, конечно.

Обладал широкой душой, но растратил ее по мелочам.

Сегодня была последняя встреча с адвокатом Аллой Леонидовной. Женщина она приятная и оказала посильную помощь, но в глазах ее я читал полное неверие в то, что меня могут оправдать. Это и дураку понятно, стоит только ознакомиться с делом. Любопытно другое: она совершенно серьезно утверждала, что судья дело читать не будет. Они, мол, вообще дела не читают. Пользуются только теми доказательствами, которые им предоставляют непосредственно в ходе судебного разбирательства, и обвинительными заключениями. Если это так, то теперь все зависит непосредственно от судебного шоу, но и, конечно, от многих других обстоятельств. Адвокат считает, что если будет отсутствовать главный свидетель, то нам это только на руку. И, конечно, показания Дена. Не будь их — вообще бы ничего не было.

Прочитал «Голубое сало» Владимира Сорокина. Хорошо работает с чужим словом, но своего лица нет вообще. Все какое-то подобранное. Как случайный дешевый реквизит во время репетиции в театре. Что-то есть, но ничего своего. Берутся герои и кидаются в надуманную ситуацию. Характеры не прописаны вообще. Вожди, такие как Сталин, все, как на подбор, красавцы и статные мужчины, только вот зачем? Это потому что гомосеки? Так они и не все сплошь статные. Бывают очень разные.

У наркоманов, внутривенно употребляющих героин, большие проблемы со стулом. Он редок, и все, что покидает тело, покидает его с большим трудом, потому как каловые массы твердеют. Запор — обычное явление у этой публики. Они сильнейшим образом потеют по ночам. Пот настолько обилен, что белье в буквальном смысле намокает. От тела начинает сильно пахнуть аптекой или химией.

Запах в квартире варщика «винта» сильнейший. Специалисты утверждают, что в подъезде по такому запаху можно запросто определить квартиру «повара».

«Качели» — одновременный прием внутрь винта и героина.

Если слюна попадает в вену, то тряханет так, что мало не покажется. То же происходит от попадания в кровь различных жиров.

Зрачок у принявшего дозу героина резко сокращается, речь замедляется, тембр понижается. Голос становится тяжелый, глухой и невнятный. Такой человек может начать вырубаться в любом, даже крайне неудобном положении. Внешне он как бы засыпает, может политься слюна. При оклике вздрагивает и быстро приходит в себя. При ежедневном приеме наркотика (это называется «сидеть на системе») для получения удовольствия необходимо все время повышать дозу. Прежняя уже никак не дает кайфа, а отсутствие дозы приводит к натуральной физической ломке, выражающейся в дикой боли в суставах и во всем теле. Суставы как бы выкручиваются, и человек не находит себе места. Терпеть такое состояние крайне тяжело. Любой наркоман обладает удивительной, прямо-таки животной хитростью. Что бы он ни говорил, что бы ни обещал, все его действия сводятся к одному желанию — «двинуться». Массово встречаются случаи, когда, пообещав близким, что он завязал, наркоман втайне продолжает «двигаться». Один умудрялся употреблять героин, прикованный наручниками к кровати, второй делал это с помощью товарища в момент выбрасывания мусора в мусоропровод в подъезде. В такие моменты взаимовыручка наркоманов крайне высока. Но только в эти моменты: во все остальные такой человек за дозу может сделать что угодно.

Употребляющий «винт» на «системе» через три–четыре года практически лишается мозга. Идет интенсивное отмирание клеток, его усыхание.

Здесь неудобно все: стоять, сидеть, лежать, спать, есть, ходить в туалет, разговаривать. Читать и тем более писать. Если ты не спишь, то кто-нибудь обязательно заденет твои ноги. Длина шконки меньше моего роста, а рост у меня метр девяносто. Согнул ноги, через пару часов они затекли. Уснул — покусали клопы, или какой-нибудь доброхот с воплем «Ты отдыхаешь?» будит тебя и зовет к смотрящему по камере или задает идиотские вопросы. Просто встать и стоять столбом на месте? Так этого места, во-первых, нет, а во-вторых, тебя непременно с него сдвинут. Во время еды и вообще около «дубка» тебя всенепременнейше кто-нибудь заденет. «Дубок» — это шленки и пища, а значит, центр мира. Во время разговора с кем-нибудь тебя обязательно подвинут, или

«притрут уши», или влезут в разговор со своей мыслью или просьбой. Или появится человек по прозвищу «Дай». Здесь брать, распределять, пользоваться и поглощать готовы все. Все без исключения.

Ты ждешь очередь в туалет? Обязательно перед тобой влезет братан, которому очень срочно надо. Используешь, не дай бог, чужой телефон? Тут как тут появится кто-нибудь с наисрочнейшим делом или возникнет очень важный разговор на два часа. О чем можно говорить с волей два часа при условии, что ты здесь уже шесть месяцев, год, полтора года? Ну вот о чем? Это мельгешение, этот человеческий муравейник утомляет настолько, что я с трудом сдерживаюсь. Какие же тупые и психически неорганизованные люди космонавты, если у них в подготовительный период во время проверки на совместимость возникают конфликты? Здесь все несовместимо со мной, буквально все! Нет даже одного квадратного метра пространства, в которое можно было забиться так, чтобы тебя не трогали. А если еще добавить психологическое давление со всех сторон, наличие делюги, финансовые проблемы на воле, конфликты с близкими и полную физическую беспомощность, то хочется повеситься. В буквальном смысле слова. Но самое важное — полная неопределенность. Сколько еще ждать, месяц? Год? Десять лет? А эти лезут, лезут и лезут со всех сторон.

Видимо, я все же способен провоцировать ситуацию. Как только я иду в туалет, практически в любое время суток в восьми случаях из десяти, только я раскорячусь, буквально тут же появляется кто-то из братвы с вопросом, как долго. Что это, мистика? Я уже ловлю себя на мысли, останавливаю мысли, ничего не думаю, захожу, сажусь и тотчас — на тебе, получай.

Поговорил наконец с Татьяной Павловной. Марат в городе Пушкин, в больнице. Как она сказала, находится на излечении. Как это понимать? Он избежал наказания? Или это только отсрочка?

Дом в трещинах-морщинах, потолок шелушится, а на стенах экзема.

Жара, невыносимая, грязная, пыльная, неистребимая, наконец сменяется прохладой. Иногда слышен ливень. Его практически не видно. Так, кусочек неба, кусочек ливня, кусочек воли и много-много тюрьмы. Появились следы водянки. Будет жара, будет водянка. Нижняя губа лопнула. Начал активно пить витамины, вроде бы подживляет. Но тут

это так, вскоре опять лопнет. Телевизор смотреть просто невыносимо — одни знакомые рожи. За что все это мне? Все мои знакомые упрочивают свои позиции на телевидении, в театре, в кино, в литературе и газетах. Я же сижу в тюрьме. И, как всегда, ничего не успел сделать. Обидно.

30 мая. Время тянется, как резинка от трусов. Как жвачка, ничего не давая, только отбирая: нервы, здоровье, время. Голову перестали посещать мысли. Даже стихи не приходят. Да и откуда им взяться в такой обстановке? Вот, может быть, завтра закрою дело, и дальше — ожидание суда. Ожидание суда, ожидание туда — опять сплошное тягостное ожидание. Скорей бы все это закончилось. Бы! Бы! Бы! Все время будущее. Когда же оно перейдет в прошлое?

Лохматое, рваное солнце, тяжело продираясь сквозь тучи, ползло по небосклону. Его ошметки падали на стены, влетали в окна, а один, нелепый и малый, влетел в камеру. Вот уже и лето. Второе лето. Сколько еще придется считать сезонов через решетку камеры?

1 июня. Закрыл дело.

— Зачем, товарищ следователь, вы написали на меня столько жалоб?

— Это не жалобы.

— А что же это, по-вашему?

— Мне же надо было чем-то жопу прикрыть. А то ведь меня нагибают и ебут.

— И вы об этом так спокойно говорите?

— Да, а что? Один раз не пидорас. Потом вжик, вжик — и мужик.

Ха-ха.

— Не хотелось бы, чтобы меня трахали на работе.

— А что же, служба такая.

— Ну, значит, нравится она, служба эта, раз вы работаете.

— Ничего, нормально.

Не верь, не бойся, не проси,

И чашу эту мимо пронеси.

О боже! Отведи предательство друзей!

Врагов моих убийственных затей,

*Спаси и отведи неверность жен,
Чтоб не был я болезнью поражен,
Убереги от безучастия детей,
Продли жизнь матери моей,
Спаси от безразличия людей,
И от жестокости моих судей.
Прошу немного для себя:
Дай жить остаток дней, любя
Достаток хлеба, волю и покой,
А после смерти душу успокой.
Спаси господь меня и сохрани
И чашу эту мимо пронеси.*

В конце жизни он сошелся с одной «заочкой». И знаешь, что его сгубило? Рядом была станция, и поезда: «У! У! У! Ду! Ду!» Он вдруг встает и собирается, она его спрашивает: «Ты куда?» «Так зовут же меня, — отвечает он, — не слышишь разве? У! У!» Ушел, не выдержал. А другой рассказывает: прожили мы с ней два месяца, потом ушла. Почему? Не знаю. Все вроде было: чай, курить, глюкоза. Че ей еще? Не знаю.

Телевизор страшно искажает представление о жизни. И как следствие — саму жизнь. Насмотревшись телевидения, многие перестают адекватно оценивать реальность. Легкость драк, убийств, грабежей, за которыми ничего не следует, кроме музыки или отвлеченных картинок. Все это дико искажает картину. Огромное количество киновыстрелов, кинодрак и киноубийств замыливает глаз и воспринимается как легкость бытия и как следствие жизни. Телевидение — ужасное зло для неразвитых мозгов.

Грязные, серые, рваные облака, похожие на клубы древесного дыма, как-то толчками двигались по небу. В их разрывах мелькало чистейшее голубое небо.

Вялые, короткие, с вкраплениями кусочков воспоминаний мысли хаотичной толпой теснились в его голове. Мысль рождалась, тормозилась в развитии и с треском шоколадной плитки лопалась, разлетаясь

по сторонам, и исчезала. Из массы мелких осколков вспыхивала очередная цветная картинка прошлого. Застывая на мгновение, она вызывала острые противоречивые чувства с привкусом обиды и исчезала вихрем других осколков. Превратить начало мысли в нечто осознанное и сформировавшееся не было никаких сил. Хотелось забиться в тихое место, закрыть глаза, чтобы никого не видеть и, главное, чтобы никто не трогал, не дергал, не задавал идиотские банальные вопросы. Но это было невозможно. Вихрь обрывков мыслей и фрагменты воспоминаний продолжали крутиться в голове.

Пища перестала существовать, хотя время от времени появлялось чувство голода. Просто хотелось есть. Неважно что, плоть требовала пищи. Примитивное животное желание било по организму изнутри. Тогда он брал отвратительный пайковый хлеб и разбирал на составные части. Грязно-серая мякоть, похожая на глину, выбрасывалась. Оставались только корки. Их он и ел, запивая чаем, тогда голод отступал. Через несколько месяцев баланда — отвратительное варево с непременной перловкой или квашеной капустой, густо сдобренное непонятным, скорее комбижиром, — казалась вкусной и желанной.

Ужасные, огромные, прямо-таки коллекционные клопы уже не вызывают острого омерзения, какое появлялось раньше, в первые дни. Теперь клопы воспринимаются как нечто само собой разумеющееся. Они, конечно, гадость, но неизбежная. Кожа от них по-прежнему вздувается волдырями, но усилием воли я приучил себя терпеть и не расчесывать места укусов. Такое расчесывание всегда приводит к незаживающим гниющим ранам. У некоторых такие раны не проходили месяцами, а плоть на месте расчесанного укуса прогнивала на глубину до нескольких сантиметров. Никакие таблетки и мази не помогали. Или воздух в тюрьме специфический, или медикаменты просроченные, возможно, виновато общее ослабление иммунитета, а скорее всего — все вместе. Такие раны обильно сочились сукровицей и доставляли массу неудобств. А неудобств и так было немало.

Все, все буквально пропитывает мерзкий запах: смесь запаха давно не мытых мужских тел, табака, баланды и застарелого человеческого горя.

Местные клички: Кувалда, Топор, Торпеда, Шер, Краб, Череп, Самурай, Уйгур, Доктор, Дядя, Солдат, Кок, Спорт, Рембо.

Самые дорогие часы в мире: Henry Graves Supercomplication Patek Philippe 1934 года. Их купили 2 декабря 1999 года за один миллион долларов. Купил музей часов Patek Philippe. Их делали с 1928 по 1934 год. 24 функции, то есть почти все, что было сделано за время существования механических часов. Часы карманные, вес 535 граммов.

2 июня. Вчера брата посадили в карцер. Пока непонятно, за что и на сколько. Если на 15 суток, то 16 июня выйдет.

Колесо жизни скрипит и движется. Все время обозначаю какие-то сроки. Я живу, двигаясь к ним. Какой еще срок обозначить? День своего рождения — маловато, слабо верится, что что-то может решиться за два с половиной месяца. Стоит, наверное, выбрать 1 января. Итак, осталось семь месяцев.

Архетип трех мушкетеров — три богатыря. Три мушкетера — это архетип гардемаринов и, возможно, с некоторой натяжкой, персонажей «Трое в лодке, не считая собаки», а уж три танкиста — это стопроцентные три мушкетера того периода.

Двое однокамерников плетут канат, третий второй час на них смотрит.

— Ты Санек, тоже не стой без дела. Иди хоть хрен подрочи на дальняке.

3 июня. Замелькали летние часы, поедая день за днем. Лето. Я раньше очень любил это время года, ждал его прихода. Радовался, находясь в нем. Сейчас бы легко поменял лето на любой другой сезон, лишь бы приблизить развязку. Каждый день занимаюсь спортом. Начинал с того, что не мог подтянуться вообще. Сейчас подтягиваюсь хватом «руки на себя» десять раз, хватом «руки вперед» — двенадцать раз.

Стереотипы мышления ведут к стереотипам поведения. Стереотипы мышления неизбежны и появляются от лени, от ограниченной фантазии и, конечно, от неразвитого ума. Я это пишу и прекрасно понимаю, что сам ленив до чрезвычайности.

Все стены на МТЦ больны псориазом. И внутри, и снаружи.

Кроха рассказывал, как первый раз за ним пришли и он спрятался от милиции, стоя за открытыми дверями. Все обыскали, а его не нашли. Ушли, а он взял рюкзак и уехал в Крым. Он никогда не видел моря. И, понимая, что его рано или поздно арестуют, поехал в Крым, где несколько месяцев пешком бродил по крымскому побережью.

Тихо-тихо, так, чтобы никто не слышал, он доверительным шепотом говорил:

— Что только не делал: мух глотал, ногу ломал, солью натирался, в результате хрен. Ничего не помогло. Обратное с больнички подняли.

Прошло три дня. Шепот продолжился:

— Жопа, не поверите, сочится. Показать?

— Ни в коем случае.

— Хорошо, потом покажу. Нога опухла так, что не сегодня-завтра ходить не смогу, слягу. Показать?

— Ни в коем случае.

— А главное, отношение и окружение — чистый дурдом.

*Еще один бесцельный день прошел,
Бессмысленный, холодный и тоскливый,
Я в памяти искал и не нашел
Пророческие знаки, стержень молчаливый.*

*Еще одна конструкция печали,
Рождение дня и умирание солнца,
Уныло галки прокричали,
И ночь уперла взгляд в оконце.*

*Держу надежду или за нее держусь,
Я знаю, надо жить, но для чего, не знаю,
Любимых вспоминаю и молюсь
И медленно в пространство уплываю.*

4 июня. 88 дней до конца лета. Была баня. На удивление грязное помещение с полом, на два сантиметра покрытым водой. Абсолютно

ржавые крючки для одежды, грязные, никогда не мытые лавки, облезлые стены с отвалившейся плиткой. Из десяти ламп работало только три, да и те давали тусклое освещение. Допотопные соски в душе, извергающие либо мощную струю, либо редкий дождик, либо ничего, кроме пары капель. Несмотря на все это, баня — это возможность помыться. Пусть даже в таких диких условиях, но очистить тело от грязи. И это можно сделать только раз в неделю.

А на воле мочат, душат, давят, закапывают, раскапывают и вновь закапывают. Освобожусь — сяду в угол и ни в коем случае из дома выходить не буду. Уж больно страшно ходить по улицам, когда вокруг такое количество бандитов и грабителей. По всем телеканалам каждые два часа показывают криминал. Ну сколько можно. Особенно актуально это смотреть, сидя в тюрьме.

5 июня. Раньше я думал так. Вот откроются двери, зайдет милиционер и громким красивым голосом спросит: кто тут Симонов? На выход. Вы свободны. Все разъяснилось, зло наказано, добро восторжествовало. Время шло, двери открывались и закрывались ежедневно, милиционер заходил регулярно и не один, но заветное «Симонов, ты свободен» не звучало. Зло упорно не наказывалось, а добро упрямо не хотело торжествовать. Сейчас же это чувство притупилось. И выход на свободу становится все прозрачнее, все нереальнее. Видимо, те, кто занимаются вопросами справедливости, никак не могут найти милиционера с красивым голосом.

Пойду, посижу на спине.

Хорошо, что в последнее время уже не испытываю чувство голода. Вопрос даже не в том, что́ есть, а в том, что ёсть. Что можно есть. И самое главное, что это не баланда.

7 июня. До конца лета осталось 85 дней. Насчет тибетской «Книги мертвых». Это натуральное пособие, где записаны тексты, зачитывающиеся умирающему и покойнику в течение четырнадцати дней после смерти. Для того чтобы покойник мог ориентироваться в состоянии

бардо. Это состояние между этим миром и тем. Книга склоняет мертвеца к необходимости отказа от выбора пути перевоплощения в новом теле. Совершенно непонятно почему. Аргументация весьма слабая. Но сама мысль потрясающая: способность звуков влиять на вещи и события. Секрет только в чистоте, диапазоне и длине звукового ряда. Для этого и существуют тантры (молитвы, заклинания, и т. д.), произносимые в определенной последовательности и определенным способом. Нарушение этой последовательности приводит к полному отсутствию эффекта. Точное соответствие дает удивительные результаты. Поэтому методика чтения и произношение таких текстов держатся в строжайшем секрете. Теперь многое становится понятным, включая и мое «обращение» к воде.

Футбол — это эрзац интереса. Искусственная подмена настоящего, реального живого интереса интересом искусственным. Подмена дешевая и общедоступная. Человек по своей природе не может не интересоваться чем-либо. Одни творят, другие коллекционируют, третьи изобретают, все же остальные, не способные на это — ленивая, глупая, жадная толпа. Но им тоже хочется интересоваться, но не прилагая при этом усилий. Вот пожалуйста, для них телевизор, интернет и печатные издания, а в них спорт, например футбол. Хотя это может быть и баскетбол, и хоккей, и бокс, что угодно спортивное, а любое спортивное мероприятие всегда дает обширную пищу поговорить и «поболеть». Самое важное, что этот эрзац понятен всем. Почти везде тебя поймут и почти везде поддержат разговор на эту тему. Важно, что болеть спортом удобнее всего дома, в кресле с выпивкой и перед телевизором. Натуральная жвачка для ума.

...И все, ну совершенно все мажут зеленкой. От малой царапины до прыщика, от аллергической болячки до грибка ног, от синяка до непонятно отчего опухшей ноги. Но зеленка здесь на удивление мерзкая. Кажется, разбавленная водопроводной водой или, может быть, ужасно древняя, изготовленная самим товарищем Зелениным еще при жизни.

9 июня. Брата должны выпустить послезавтра вечером. Уже неплохо.

*Здесь нет законов.
Понятья есть и «положняк»,
И справедливости решетчатый остов,
А в место удовольствия «ништяк».
Обычные, простые силы истончились,
Вокруг лишь «преданные силы».
Надейся, веруй и молись,
Как вариант могилы,
Кого положат, тот лежит,
Кто сел, тот и поедет,
Недвижимый трамвай бежит,
В нем время тихо бредит.*

Отжался набором за час прогулки триста семьдесят раз. На воле бы такую спортивную форму. Парадокс: спортивная форма есть, а воли нет.

А вокруг как норма грабежи, разбои, трупы, вещдоки, свидетели, терпилы, мусора, опера, судьи, суды, автозаки, конвоирки, конвойные, выводные, корпусные, ДПНСИ и камеры, камеры, камеры... Кажется, никогда больше детективы и криминальные произведения читать не смогу.

Этот муравейник отягощает мой мозг. В голове даже не винегрет от всего этого, а мелкая шинковка. По телевизору каждый час, как дубиной — криминал во всех видах.

Подозреваю, что на централье появилась «обезьянья оспа». Гадость сродни атипичной пневмонии, вот от нее и гниют люди. Возможно, это похожая на оспу тропическая гадость. Кто знает? Кто это изучал? Кому это надо?

11 июня. Сегодня брата отпустят из карцера.

Время, время, что это? Что оно, как оно, что оно делает? Оно бежит, летит, скачет, прыгает. Я его глотаю, пью, вдыхаю. Или оно меня пьет и ест. И вот странность: оно бежит, а ничего никуда не двигается. Или это кажется только мне? Вот что значит отсутствие цели. Определили бы

дату, стало бы проще. А так неясность и пустота. Пустота и тишина, и в тишине клубятся мрак, боль, ненависть, тоска. Плотный, мохнатый, сальный дым тюрьмы.

Подтянулся тринадцать раз. Хочу выйти на пятнадцать. Фигуру приобрел спортивнейшую, жалко, не для кого. О чем это говорит? О том, что в основном все это делается сначала для других и только через них для себя. И так практически все, что делает человек в жизни.

Результат — это много-много раз по чуть-чуть.

11 июня. Брата подняли с кичи, и в этот же день я получил постановление о назначении предварительного слушания.

— Что это? — показываю таджику на его мешок.

— Соль.

— Какая же это соль, это героин.

— Да? — удивленно. — А я эту соль всегда в еду добавляю. Вот уже двадцать лет как. И отец, и брат.

14 июня. Шесть дней до суда. «Швондера» не будет, а будет какая-то женщина. Ожидать от суда, говорят, нечего, принимая во внимание, что «Швондер» в отпуске. А это верные два месяца. Вполне возможно, что следующее заседание будет только в конце августа или в сентябре. Похоже, еще два года придется отдать этой системе.

17 июня. Из достижений. За прогулку отжался пятьсот раз. До конца лета — семьдесят пять дней. Забрали Дато, жаль, хороший человек. Редкий случай здесь. Вчера с небес упал «грев». Крайне вовремя, так как опять ничего нет, ни сигарет, ни еды.

19 июня. Отчаянно хрюкая, хлопая ушами по бокам, в кормушку пролез «кабан». Передача воспринимается как кусочек свободы.

В ожидании своей судьбы можно состариться.

21 июня. Вчера был суд. Предварительное слушание. Ровно ничего. Перенесли на 1 июля. Суд производит безнадежное впечатление. Какая-то тугая, тупая масса впечатлений и ощущение такое, что сейчас вот-вот — и все расхохочутся.

27 июня. Вчера в камере был шмон. Сперли пачку «судовых» сигарет. Початую. Несчастливые люди, остается только их жалеть. Хочется курить, а хороших сигарет у них не было, нет и, похоже, никогда не будет. И где взять? Только в камере. Заодно там же можно найти хороший крем и дезодоранты.

В камере обитает человек со страшной вмятиной в голове. Последствие какой-то травмы. Когда побрили голову, вмятина обозначилась еще сильнее. Совершенно непонятно, что там с его мозгом, да и есть ли он там вообще. В психушке был признан совершенно нормальным.

4 июля. Дневник пустой, как барабан, как тюремная «сборка» до появления на ней зеков. Событий нет. Однако за это время написал три заявления по делу «оборотней в погонах». Пока реакции никакой, но должна быть, судя по тому, как за них взяли. Они же состряпали наше дело. Это не должно пройти незамеченным, хотя у нас бывает так: особняки есть, доллары есть, оружие есть, свидетели есть, потерпевшие есть, а с доказательной базой слабовато.

Заехал пастор, баптистский, говорил о боге, о грехе. Добрые люди положили его на свою шконку. Пастор все же! Выяснилось, что у пастора полно вшей. Не помогло слово божье ни от вшей, ни от тюрьмы. Рассерженные добрые люди долго кричали на божьего человека. Потом чуть ли не силой заставили мыться. Пастор, мать его!

Новичок. Старый, ростом с сидячую собаку, причем не очень большую. С лицом очень пожилым и тертым. Со стальной вставной челюстью. Утверждал, что прежнюю, золотую, жена успела заложить в ломбард. Шепелявил, играл в шахматы, богатырски храпел. При ближайшем рассмотрении возраст старика оказался пятьдесят три года. Наверное,

мой дедушка, если бы был жив, выглядел бы моложе. Забавный старый и статья забавная, 105 (убийство).

Уже большой котенок. Все время пристраивался к мамкиной сиське. У тюремной кошки давно уже прогоркло молоко, и она раздражительно его отталкивала, сама норовя пристроиться к миске.

Заехал крайне небольшого роста азербайджанский мужчина. Крепкие мышцы рук, выпуклые грудные мышцы, внушительные плечи. Одно слово — крепыш. Прошло две недели, и у крепыша вдруг вывалился живот, такое мощное брюхо у него обнаружилось, на удивление. Вот что баланда с человеком делает, чудеса. Так и ходит теперь: крепкие мышцы рук, крепкие плечи и вывалившееся брюхо.

6 июля. Спина продолжает болеть. «Шер» два раза делал массаж. Я чуть не помер от боли. Плохо болеть. А в тюрьме особенно плохо. Лекарств нет, врачи лепилы, ничего нет.

Пишу плохие стихи. Сам понимаю, не очень. Однако прячусь за них. Немного помогает. Писал бы роман, но совершенно нет никакой возможности.

Квадрат Удмурта равен сумме квадратов двух чувашей. Мордовская гипотенуза равна сумме уйгурского квадрата катета.

9 июля. Начала проходить спина, но меня всего покусали клопы. Не клопы — монстры! Все, как на подбор, огромного размера. В основном самки. Я дошел до совершенства, различаю уже клопов женского пола и клопов мужского пола.

10 июля. Адвокат опять надул. Обещал — не появился. О боги, боги, вы явно отворачиваетесь от меня.

Случайность является результатом не только нашего незнания бесконечной сложности мира и ограниченной точности измерения причин, но и соотношения неопределенностей (термин Гейзенберга).

Точность определения одного из двух параметров микрочастицы (исходя из ее положения и скорости) зависит от точности определения другого параметра. Это означает, что чем точнее будет определен один параметр, тем больше составит неточность в определении другого параметра. Оба же параметра с необходимой высокой точностью определить нельзя. В этом и состоит природа микромира. И никакая развитая техника измерения не позволит увеличить эту точность, так же как никакое развитие науки никогда не позволит нам активно вмешиваться в прошлое.

Микрооснова нашего мира случайна и опирается на соотношение неопределенностей.

Всякая экстраполяция будущего имеет принципиально случайный характер. Этот принцип действует на атомном уровне.

Случайность нашего мира держится на трех китах:

на принципе неопределенности;

на неисчерпаемости вселенной;

на ограниченности человеческих возможностей в данный момент времени.

Мир Лапласа: мы должны рассматривать настоящее состояние вселенной как следствие ее предыдущего состояния.

Мир Лапласа — не что иное, как фильм, записанный на бесконечной ленте.

Второй закон термодинамики.

Закон хаоса, закон сатаны.

Каждая замкнутая система, то есть полностью изолированная и ничем не связанная с другими системами, стремится к своему вероятному состоянию — к хаосу.

В технике — амортизация.

В биологии — старение.

В химии — деструкция.

В социологии — разложение.

В истории — распад.

В тюрьме — понятия.

Энтропия — мера хаоса. Старение — типичный процесс повышения энтропии.

27 июля. Крайне жарко. Кашель. Резина времени продолжает тянуться. Паутина грязными соплями свисает со стен.

У Вани-узбека из кармана на пол выпала малява. Если бы эту выпавшую маляву нашли другие, его бы прессанули. Я, объяснив ему, что он дурак, отдал маляву ему в руки. Он хитро улыбнулся, обнажив золотые зубы, и сказал:

— Э-э-э! Ты, наверное, у меня эту маляву из кармана взял!

То есть узбек не поверил, что эта малява выпала из его кармана и что за это его могли прессануть. Ну и дурак же я!

По их понятиям, хороший человек — тот, который не прячет зверя, сидящего внутри него. Тот, кто старается казаться хорошим, опасен. Самыми опасными людьми считаются те, кто демонстрирует свои положительные качества, и не только демонстрирует, но и сам верит в то, что хороший. Удивительно, но наиболее чудовищные преступления в истории человечества совершали люди, которые не пили водки, не курили, не изменяли женам и кормили белочек и голубей с ладони.

Человек может быть хорошим до определенного предела. Если жизнь припрет, хороший может стать очень плохим, и это может случиться в самый неподходящий момент.

Драка за власть — жестокая драка. Тот, кто ее проиграл, — преступник. Победителю абсолютно все равно, совершал ты преступление или нет. Проигравший все равно преступник. В такой ситуации лучше совершать преступления, чем быть наивным дураком, наказанным за неделанное.

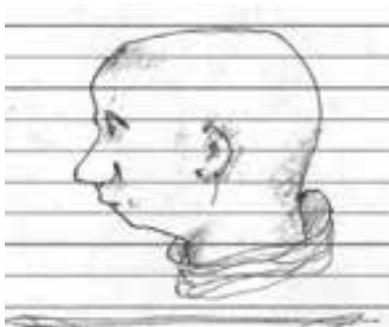
Прожить на нашей планете можно, только перегрызая глотки другим. Такую возможность предоставляет власть. Удержаться во власти можно, только карабкаясь вверх. Но лестница эта ужасно скользкая,

Кроме того, обязательно нужна помощь тянущего тебя. И каждый, кто карабкается наверх, формирует свою группу, которая ползет с ним на вершину или летит вниз.

На свободе чувство безопасности дает не пистолет, а трезвый, без всяких иллюзий, расчет. Пистолет — это ненужная иллюзия, которая греет бок и создает мираж безопасности. Этот мираж однажды может сыграть с тобой злую шутку.

Кто хочет, тот и может. Главное — чего-то захотеть, а потом все зависит только от тренировки. Успех приходит тогда, когда каждая тренировка доводит человека до грани его возможности. Работать необходимо на грани срыва. Побеждает в жизни тот, кто может победить самого себя, свой страх, свою лень, свою неуверенность.

Если ты не выдержал первый тяжелый взгляд собеседника, бесполезно на него воздействовать. Психически он сильнее тебя. Ты будешь победителем только до тех пор, пока сам себя чувствуешь таковым. Самые большие ошибки совершаются после успешной встречи. На любое дело нужно идти в полной уверенности к победе. Если такой уверенности внутри нет, то лучше отказаться, не начиная дела.

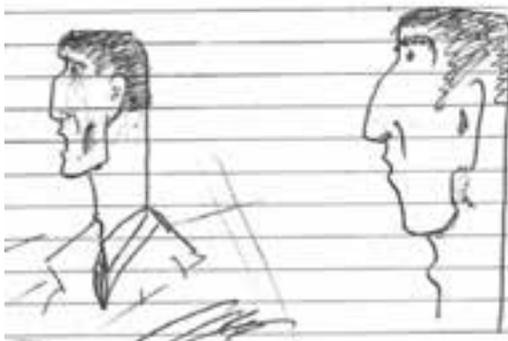
4 августа. Жара. Страшный зуд. Клопы не дремлют.

Как бороться с ленью? Она накатывается, обволакивает, опутывает, тяжелит. Лень делает в твоём личном времени дырки, и оно сквозь них стремительно утекает.

— Ты себя считаешь виновным?

— Что говорить? Считаю! Но только на два года. Не больше.

Трудно поверить, но это факт: фамилия начальника Московского УФСИНа Злодеев. Фамилия его первого зама — Дуреев.

5 августа. Изнуряющая жара и духота продолжается. Вентилятор вертит грязный пропеллер и гоняет горячий воздух по всей камере. Образуются как бы волны нагретого воздуха. Это движение воздуха и шум вентилятора напоминают пляж. Тот же шум волны и горячий морской ветер, хотя до моря ой как далеко и в пространстве, и во времени.

Лицо его обладало такими свойствами, что придать ему более или менее приличный вид могла только густая черная борода, начинавшаяся от глаз, и огромные черные очки, закрывавшие места, которые не закрывала борода. Ничто другое исправить или сколько-нибудь улучшить это лицо не смогло бы, а он, похоже, об этом даже не догадывался. Счастливый человек.

Появилась местная мода на тату. Заехал один с изображением непонятного насекомого на лопатке. Картинка, вероятно, изображала паука, ползущего по паутине, или клопа, запутавшегося в рваных чулках. Этот шедевр так поразил воображение некоторых обитателей камеры, что они тут же принялись набивать себе такой же рисунок. Беда состояла в том, что местный художник был далеко не Сальвадор Дали, перерисовал насекомое с лопатки вновь прибывшего на бумагу, как смог, и то, что получилось на бумаге, страшно видоизменяя, переносил на человеческую кожу. Первоначальное изображение насекомого после этих манипуля-

ций изменялось до неузнаваемости. И если оригинал на лопатке еще с большой натяжкой можно было принять за паука, то нечто, которое оказывалось на спинах страждущих, уже ничего, кроме ожиревшего клопа, не напоминало.

Его левая рука была иссечена десятками шрамов. Шрамы накладывались друг на друга, и посчитать их реальное количество не представлялось возможным. «Вскрывать» стало у этого человека нормой. Чуть что, он хватал «мойку» и полосовал себе руку. Следующим номером нашей программы — суицид.

Меня не покидает острое желание написать письмо отцу. Обидно, что при его жизни нам так и не удалось поговорить серьезно. Я имею в виду глубокий мужской разговор. Бесед было много, но все они были какие-то поверхностные.

10 августа. Илья ушел на этап. Ну и типком оказался этот человек. Теперь понятно, что имел в виду Ваха, когда сказал мне, что он крайне наглый человек.

- У меня полностью вырезали селезенку.
- Я не успел затариться сигаретами на этап (это при наличии пяти блоков).
- Ужасный приступ чего-то внутри, не то желудок не то селезенка.
- Вообще не спал (это проспав без остановки девять часов).
- Самое большое время, что я не спал, четырнадцать дней.
- А после?
- После неделю уснуть не мог.
- Сорок дней голодал.

Так случилось, что свой сорокалетний юбилей я встретил на центральной «Матросская тишина». Что это? Судьба или случай? Ладно бы рисковал, грабил или воровал, а тут на тебе, за здорово живешь.

13 августа.

- А что Вова, подельник твой, вичевой?
- Да, да, я знаю. Моя девчонка помогала ему на воле собирать вещевую передачу.

Инфантилизм человека открывался постепенно, изо дня в день, из часа в час. За ним виднелся реликтовый эгоизм и просто очень пространное отсутствие ума. Можно сказать, откровенная глупость. Сначала это воспринималось как нечто, что требует оценки и настороженности, затем возникла мысль, что он прикидывается или, возможно, даже шутит. Бывают же странные шутники? А потом стало понятно, что он действительно такой, от природы. И сразу после со всех сторон понеслась лавина шуток и издевок, которая накрыла его с головой. На Руси над дураками принято потешаться.

Глупость есть предисловие к любому, или почти любому, глупому событию. Глупость всеобъемлюща. Он разлита в пространстве в немислимых количествах и пронизывает буквально все. Почему преступник, по убеждению совершающий преступление, попадает? Да потому что против него работает целый государственный аппарат, призванный именно ловить преступника. Поймав его, государство начинает трубить об этом во все концы, дабы другим было неповадно.

Эти государственные трубы есть профилактика преступления, считает власть. И жестоко ошибается, но это другая тема. Информация о том, кого не поймали, всегда остается в тени. Такой эпизод — это укор, такое событие несет в себе скрытую заразу. Заразу распространения, желания последовать примеру. Сколько таких примеров? Вероятно, в сравнении с остальными мало, поскольку уйти от возмездия, получив большие деньги незаконным путем, крайне сложно. Для этого нужен не только ум, для этого талант нужен, как, впрочем, в любом другом деле. Для этого одного желания недостаточно.

Все преступники, как и следователи, стремятся к упрощенным схемам, к известным решениям. Это позволяет вторым ловить первых, а первым — быть пойманными. Людей губят шаблоны. Огромное влияние на преступников оказывает кинематограф, в особенности американский. Там все это происходит очень эффектно: маски, автоматы, погони, драки... За этими эффектами скрыты подробности, точнее, их полное отсутствие. Да и откуда в кино взяться подробностям? Что, сценарист или режиссер знает, как это делается? Потом «у них» — это совсем не так, как «у нас». Наши, не обладающие особой фантазией, как правило, стремятся к быстрому результату, мгновенному обогащению, плохо представляя себе не только пути отхода, возможные пути развития ситуации, но и сумму, которая им теоретически нужна. Что прямо приводит к тому месту, где их уже ждут милиционеры. Любое, даже мало-мальское отклонение от шаблона ввергает наших милиционеров в замешательство, и дело хоронят под грудой других, быстрее раскрываемых дел. Почему почти не вскрываются преступления в банковской сфере? Да потому что узок круг специалистов и очень редко такая информация выходит наружу. Практически невозможно найти среди милиционеров банковского специалиста высокого уровня. Как он там окажется? Кто пойдет работать в милицию на зарплату в четыре копейки? Только если его посадят на крючок сами менты. Такая же история среди торговцев антиквариатом. То же происходит и в других тонких областях, где требуются специальные знания, которыми милиционеры не обладают.

Лень — очень важный фактор. Общее место — ленивый следак. Точно так же, как общее место — ленивый преступник. Жадный, глупый,

Об авторе

Автор книги Станислав Симонов — невероятно разносторонняя личность. Станислав получил профессию техника-геофизика в РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина, руководил геологической экспедицией на Памире. Два года работал журналистом на ВГТРК, в течение семи лет был артистом московского ТЮЗа. Член Российского географического общества, член Ассоциации гидов-переводчиков, экскурсоводов и турменеджеров, автор и ведущий программы «Москвоведение» на радиостанции «Говорит Москва».

Однако в 2001 году Станислав Симонов был несправедливо осужден на 13,5 года в рамках дела «оборотней в погонах». С 2001 по 2004 год содержался в московских изоляторах (Бутырка, Матросская Тишина, СИЗО 77/4). Впоследствии, вплоть до 2011 года, отбывал наказание в различных колониях Российской Федерации.

Сейчас Станислав Симонов ведет курсы актерского мастерства, пишет прозу и проводит мистические экскурсии по ночной Москве. «Станислав завораживает и держит в напряжении», «Он потрясающий, мистический, похож на Воланда!» — такие восторженные отзывы слышны после его экскурсий по булгаковской Москве.

Книга «Как выжить в современной тюрьме» — это проза на злобу дня, произведение талантливого человека о системе, в которой может оказаться каждый. Ф.М. Достоевский, А.И. Герцен, А.И. Солженицын, В.Т. Шаламов — все они сидели в тюрьме. Нахождение в местах заключения существенным образом повлияло на их творчество. Прочитав книгу С.Ю. Симонова, можно провести исторические параллели с описанием тюрьмы его великими предшественниками и попытаться ответить на вопрос: изменились ли принципы тюремной системы в России?

«От тюрьмы и от сумы не зарекайся», — говорит нам народная мудрость. Автор книги Станислав Симонов работал журналистом на ВГТРК, артистом московского ТЮЗа, преподавателем в Щукинском театральном училище...

Но в 2001 году был арестован в рамках дела «оборотней в погонах». Получил срок 13,5 лет, содержался в Бутырке и Матросской Тишине. В произведении «Как выжить в современной тюрьме» автор рассказывает о законах современного российского тюремного мира. В книге можно найти большое количество оригинальных иллюстраций и не афишируемую широким массам информацию о негласных правилах системы.

Вторая часть книги «Как выжить в современной тюрьме» — это, по сути своей, дневник, в котором прослеживается жизнь человека в пенитенциарной системе на протяжении 10 лет. Книга охватывает не только тюремный быт, но и существование в колонии и колонии-поселении. В ней собранно большое количество личных впечатлений и реальных историй, списанных с натуры. Образы, характеры, бытовые зарисовки и человеческая психология дают возможность читателю максимально понять, как работает и существует человек в условиях заключения.

Книга, безусловно, будет интересна как законопослушным гражданам, так и тем, кто непосредственно сталкивается или уже столкнулся с Российской пенитенциарной системой, а работником этой системы она будет особенно полезна.

25 ЛЕТ ИЗДАТЕЛЬСКОМУ ДОМУ

ГОРЮДЕЦЫ

www.gorodets.ru

ISBN: 978-5-907085-73-2

9 785907 085732